

В.О. Барсукова (Томск, Россия)

**«Испытание огнем»:
алхимический дискурс в «Пестрых сказках» В.Ф. Одоевского
и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя**

Аннотация: В статье исследуется алхимическая поэтика в циклах «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. В качестве фокуса выбраны образы «испытания огнем», генезис которых возводится к алхимической традиции описания трансмутации вещества при участии огненной стихии.

Ключевые слова: Гоголь, Одоевский, алхимия

V.O. Barsukova (Tomsk, Russia)

**“Trial by Fire”: Alchemical Discourse in “Motley Tales” by V.F. Odoevsky
and “Evenings on a Farm near Dikanka” by N.V. Gogol**

Abstract: The article explores alchemical poetics in the cycles “Motley Tales” by V.F. Odoevsky and “Evenings on a Farm Near Dikanka” by N.V. Gogol. Research is focused on reflection of “ordeal by fire”, the genesis of which is traced back to the alchemical tradition of describing the transmutation of matter with the participation of the fire element.

Key words: Gogol, Odoevsky, alchemy

Исследователи, занимающиеся алхимической традицией и ее бытованием на русской почве, отмечают, что основным каналом ее воспроизводства в XIX в. в России было масонство. Именно в масонской среде, зачастую в ее розенкрейцерском изводе, западные алхимические идеи распространялись в России. О том, как эти идеи просочились в отечественную литературную традицию и, в частности, в творчество Н.В. Гоголя, пишет М. Вайскопф: «Уже в Вечерах просвечивает неизбывная зависимость гоголевской телеологии от религиозных сюжетов XVIII века, отчасти отражающая общий генезис романтизма, который в огромной степени опирался на ближайший опыт именно мистической – гернгутерской, розенкрейцерской и пр. – аллегоричности, на герметическую традицию, нашедшую грандиозное выражение в парадигматических для немецких романтиков «масонских» произведениях типа «Фауста» или «Вильгельма Мейстера»¹.

¹ Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. С. 24.

Понятие «Русского ренессанса», обозначившее вектор развития отечественной литературы первой трети XIX в. и подразумевающее время активизации гражданского самосознания, процесс формирования национальной философии и, в наиболее общем виде, рождение нового человеческого типа, очевидным образом перекликается с алхимической идеей о совершении Великого делания, что, помимо материального результата в виде получения философского камня, подразумевает духовное становление человека. Одним из наиболее репрезентативных явлений русской культуры XIX в., в котором отразился генезис нового времени от средневековой герметической традиции, видится Общество Любомудров, представляющее собой первый опыт создания философского сообщества в России. «Архивные юноши» изучают немецкую идеалистическую философию и привносят ее в русское культурное пространство. Одним из центральных текстов, который ассоциируется с Любомудрами, становится «Фауст» Гёте, драма, в известной степени связанная с алхимическим кодом. Важную роль в процессе становления философской линии литературы этого времени играет В.Ф. Одоевский, председатель кружка Любомудров, писатель, философ, музыкант, наконец, мистик и «Русский Фауст».

Одоевский активно общался с Гоголем в 1830-е гг., период создания обоими авторами своих «сказочных» книг: «Пестрых сказок» Одоевского и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Так, Одоевский предполагал организовать в сотрудничестве с Гоголем и А.С. Пушкиным альманах «Тройчатка», куда бы поместились рассказы от лица повествователей Иринея Модестовича Гомозейко, Рудого Панька и Белкина. Проект не был реализован, однако о произведениях друг друга Гоголь и Одоевский отзывались положительно. Отмечается, что Гоголь принимал особое участие в издании «Пестрых сказок»: писатель писал своему другу А.С. Данилевскому следующее: «На днях печатает он [Одоевский] фантастические сцены под заглавием “Пестрые сказки”. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром»¹. Таким образом, актуально рассмотрение взаимного влияния авторов, проявляющегося в их первых сборниках. Профессиональный опыт изучения Одоевским алхимии виден в его текстах, изобилующих упоминаниями известных алхимиков и алхимических терминов, мог передаться Гоголю и художественно оформиться в «Вечерах».

Во время алхимической операции вещество в реторте нагревается, поэтому в алхимических текстах и алхимической иконографии часто встречаются образы испытания человека огнем. Алхимики сравнивают «философский камень с душой, которая, подобно алхимическому эликсиру, должна быть очищена огнем ада, прежде чем стать совершенной»². В связи с этим интересно пересечение алхимической и христианской традиции. Так, Ю.Ф. Родиченков отмечает: «Вообще, Библия стала серьезным основанием не только для креационистской алхимической онтологии, но и для описания практических операций. В частности, купелирование, или испытание огнем, несколько раз упоминается в Ветхом завете: “И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото” (Захар. 13:9); “Сын человеческий! Дом Израилев сделался у меня изгарью; все они – олово, медь и железо и свинец в горниле, сделались как изгарь серебра. <...> Как в горнило кладут вместе серебро, и медь и железо, и свинец и олово, чтобы раздуть на них огонь и расплавить; так Я во гневе Моим и в

¹ Письмо от 8 февраля 1833 г. (Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1986. С. 82).

² Зотов С.О. История алхимии. Путешествие философского камня из бронзового века в атомный. М.: АСТ, 2020. С. 109.

ялости Моей соберу и положу и расплавлю вас» (Иезек. 22:18, 20)»¹. Невозможно, таким образом, однозначно определить, ведут подобные образы в творчестве Гоголя генезис от алхимической или христианской традиции. Однако в творчестве Одоевского мотивы, связанные с испытанием огнем, эксплицитно отсылают к алхимии, поэтому можно предположить влияние алхимической поэтики Одоевского на стиль Гоголя. Важными мотивами, связанными с испытанием огнем, становятся страдания испытываемого и метаморфозы, связанные с переплавкой, изменением формы вещества, с одной стороны, и очищение огнем, духовное совершенствование личности, прошедшей испытание, с другой.

У Одоевского мотив жара появляется уже в эпиграфе к инициальной сказе цикла: «Положи амальгаму в круглый стеклянный сосуд; закупорь его и поставь в золу, потом на легкий жар, прибавляя жару, пока сосуд совсем не раскалится, то ты увидишь все цветы, какие только в свете находятся»². В эпиграфе акцент делается на позитивный результат нагревания вещества, а процесс его «испытания» редуцирован. Содержание сказки контрастирует с эпиграфом, так как в нем акцентирован сам процесс нагревания реторты и духоты, понимаемой как редукция духа свободы в ограниченном светском обществе. Вместе с тем преобразование самого Гомозейки описывается в полном соответствии с алхимической поэтикой, словно герой в действительности проходит процесс кальцинации: «мой новый, прекрасный черный фрак начал сжиматься и слетать с меня пылью; мой чистый, тонкий батистовый галстук покрылся сажею; башмаки прогорели; вся кожа на теле сморщилась, и самого меня так покорило, что я сделался вдвое меньше; наконец, от волос пошел дым; мозг закипел в черепе и ну выскакивать из глаз в виде маленьких пузырьков, которые лопались на воздухе; не стало мне силы терпеть эту кальцинацию»³. Похожие описания изменения героя под воздействием жара обнаруживаем и в гоголевском сборнике. В качестве репрезентативного доказательства приведем лишь несколько примеров из «Страшной мести»: «ты *разгорелся*, как неразумный хлопец»⁴, «*железо рубило железо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя козаки*» (191), «Наступает пан Данило – подается суровый отец, и опять наравне. Кипят» (191), «в твоём каменном теле человежье чувство горит» (191), «ляхи кинут в пламя твоего сына» (192), «рад бы из гроба встать и раздуть шапкую огонь» (192).

Интересен схожий с эпиграфом к «Реторте» эпизод из «Вечера накануне Ивана Купала»: «Дикой бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных <...>. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя» (105). В алхимической традиции появление разнообразных цветов является завершающим этапом процесса получения серебра и золота. Неудивительно, с точки зрения алхимического дискурса, использование образа растения, а не металла, потому как вторые часто изображались как первые, и в алхимической традиции «прорастающий» металл изображался древообразно⁵. Как и у Одоевского, завершение процесса Великого делания оказывается здесь мнимым. Третьяков пишет об осо-

¹ Халтурин Ю.Л., Кучурин В.В., Родиченков Ю.Ф. «Небесная наука»: европейская алхимия и российское розенкрейцерство в XVII–XIX веках. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 42.

² Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996. С. 9.

³ Там же. С. 14.

⁴ Гоголь Н.В. Полн. собр. Соч. и пис.: В 23 т. Т. 1. М.: Наука: ИМЛИ РАН, 2003. С. 191. Далее цитируется по этому изданию. Страницы указаны в тексте.

⁵ См.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. С. 199.

бом характере изображения Гоголем цветения, в котором поэтика стихий, четырех первоэлементов, основополагающих в алхимическом дискурсе, по-особому преломляется: «цветок может быть интерпретирован в контексте данного эпизода как олицетворение стихии земли, лодка – воды, при этом само действие происходит в воздухе; можно говорить о взаимной мимикрии стихий, их перетекании из одной в другую <...>. Но Гоголь с исключительным мастерством создает ощущение, что это взаимодействие имеет принципиально иной характер, нежели в «Сорочинской ярмарке», и представляет собой скорее попрание законов природы, обусловленное вторжением в реальность сил ирреальных, нежели демонстрацию онтологической синкретичности стихий»¹. В этой сцене демонстрируется ложная природа ритуала, и Петрусь, следуя миражному богатству, но не духовному, проваливает испытание. Мотив испытания огнем заявлен уже в названии повести: праздник Ивана Купала соотносится с операцией купелирования, на что указывает Вайскопф: «новозаветный слой и мотив огненного очищения сближаются в повести с купальским обычаем: “Наиболее типичным для купальской обрядности способом уничтожения ритуального объекта является сожжение на костре”»². После убийства Ивася Гоголь описывает, как «все покрылось перед ним красным цветом», что может отсылать к неправильному цвету образовавшейся субстанции; Петро испытывает жжение; далее приводятся сцены пожаров и молний, что демонстрирует разгул огненной стихии, ставшей разрушительной.

Аллюзия на процесс купелирования возникает и в «Майской ночи». Голова и винокур, пытаясь поймать Левко, собираются поджечь оказавшуюся на его месте свояченицу, оправдывая это испытание желанием выведать, не является ли она Сатаной. В этом эпизоде особо явно прослеживается связь алхимической и христианской образности. Интересно в связи с этим и имя героя, Левко, являющееся уменьшительным от «лев», который, в свою очередь, в алхимической традиции отождествляется с Меркурием, участвующим в операции испытания огнем. Следующим образом ее описывает Фламель в книге «Краткое изложение философии»:

Лев – сильнейший хищник,
 Что пожирает всех других зверей <...>
 Подобно поступает и Меркурий:
 Какой металл бы вы ни испытали. <...>
 Пожрет и поглотит его Меркурий,
 Как лев голодный поступаая. <...>
 И все-таки известно всем,
 Что ежели Меркурий разозлить
 И жаром внешним в нем разжечь огонь,
 Поглотит он без колебаний
 Металлы благородные вполне,
 Наполнив ими свое чрево.
 И все же, оказавшись в нем.
 Они не разрушаются совсем;
 Напротив, следует понять,
 Что он их только закаляет,
 Природу доводя до совершенства»³.

¹ Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя: монография. Томск, 2015. С. 70.

² Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. С. 93.

³ Фламель Н. Алхимия. Руководство по изготовлению философского камня. М., 2016. С. 94.

Интересно, однако, что испытание огнем минует персонажа, на месте которого оказалась свояченица, что можно понимать как своеобразное *deus ex machina* и связывать с подчеркнутой утопичностью повести. В то же время следует обратить внимание на этимологию имени Каленика от слова «калить». Алхимической традиции присуще перенесение свойств металла на жизнь человека, что относительно Каленика может свидетельствовать о его связи с сюжетом испытания огнем, в его случае проваленном. Каленик сравнивается со свиньей, и это допустимо возвести к алхимической аллегории, обозначающей неопита, провалившего стадию Нигредо. Ситуация испытания огнем, описываемая Фламелем, на микроуровне отражает сюжет всего сборника, где каждый из персонажей «проверяется» на близость инфернальным силам и закаляется после столкновения с ними (или же проваливает испытание и не меняется), будь это прямое столкновение или аллегория внутренней борьбы со своими пороками.

В «Тарасе Бульбе» огонь становится ведущей стихией и создает ощущение преобразования казаков в алхимической печи: не случайно Андрий впервые пробирается к полячке через трубу камина, а затем находит путь к ней через лаз, похожий на хлебную печь, на что указывает Вайскопф, интерпретируя это в христианском, евхаристическом смысле: «Уход Андрия в Дубно – метафора нового крещения (обращения в католичество), отождествленного с перевоплощением как евхаристией <...>. Отправляясь в осажденную крепость, он запасается хлебом “из монастырской пекарни” и затем проникает в лаз, похожий на отверстие “хлебной печи”»¹. В связи с алхимическим дискурсом здесь важен не столько тот факт, что печь хлебная, но сам образ печи (хотя и евхаристия как аналог трансмутации здесь принципиально важна). Огненная семантика, связанная с преобразованием героя, в первой редакции акцентируется и в поцелуе Андрия и полячки, кульминации перевоплощения героя: «Она склонилась к нему головою. Он почувствовал, как электрически-пламенная щека ее коснулась его щеки, и лобзание, – у, какое лобзание! – слило уста их, прикипевшие друг к другу»².

Интересны схожесть и одновременное различие реализации мотива испытания огнем в сказке об Иване Богдановиче Отношеньи Одоевского и повести «Пропавшая грамота» Гоголя. В текстах образность, связанная с огненной стихией, возникает в связи с игрой в карты, однако реализуется совершенно по-разному. В сказке об Иване Богдановиче Отношеньи испытание интериоризуется, огонь уподобляется страсти к игре («в эти минуты сосредоточивалась вся его душевная деятельность, быстрее бился пульс, кровь скорее обращалась в жилах, глаза горели»³, «игра была во всём пылу»⁴, «догадался один из игроков и, собрав силы, задул свечки; в одно мгновение они загорелись чёрным пламенем»⁵). Иван Богданович не проходит испытание, забывшись в страстную субботу за игрой, и наказывается за это. Значима временная организация сказки: страсть к игре и страсти Христа ассоциативно связываются, поэтому игра становится не то подлинно сакральным ритуалом (во всяком случае, отношение к ней Ивана Богдановича именно таково), не то его пародийной богохульной версией. В «Пропавшей грамоте» испытание огнем происходит, первоочередно, во внешнем пространстве, и для того, чтобы отстоять грамоту – бумагу и собственную грамотность, герой должен победить

¹ Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. С. 601.

² Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 313.

³ Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 36.

инфернальные силы в карты. В отличие от Ивана Богдановича, дед даже в адском пекле не забывает о духовном существовании, и поэтому проходит испытание, перекрестив карты.

Испытание огнем, таким образом, определяет нравственный уровень персонажей, напоминающих, с одной стороны, совершенствующиеся в результате алхимической операции вещества, с другой – адептов, проходящих процесс Великого делания. Лишь в отдельных текстах, по принципу «что вверху, то и внизу» сосуществующих наряду с текстами, где персонажи проваливают испытание, герои проходят проверку, что акцентируется их последующим преображением, «воскресением». Примечательно, что такие герои встречаются лишь в повестях Гоголя, и даже их «воскресение» осложняется по разным причинам, связанным со скептическим отношением к возможности преображения индивида, исследуемого в момент разрушения народного единства. У Одоевского возможность достижения Великого делания заявляется лишь в эпиграфе к первому тексту цикла, взятому из алхимического трактата, и оказывается книжной мечтой, вероятность осуществления которой ставится под вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 568 с.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1986. 432 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 763 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и пис.: В 23 т. Т. 1. М.: Наука: ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.

Зотов С.О. История алхимии. Путешествие философского камня из бронзового века в атомный. М.: АСТ, 2020. 416 с.

Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996. 205 с.

Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя: монография. Томск, 2015. 354 с.

Фламель Н. Алхимия. Руководство по изготовлению философского камня. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 240 с.

Халтурин Ю.Л., Кучурин В.В., Родиченков Ю.Ф. «Небесная наука»: европейская алхимия и российское розенкрейцерство в XVII–XIX веках. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 380 с.

REFERENCES

Weisskopf M. (2002) Gogol's Plot: Morphology. Ideology. Context. Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 568 p.

Gogol N.V. (1986) Collected Works: In 7 vols. Vol. 7. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 432 p.

Gogol N.V. (1937) The Complete Works: In 14 vols. Vol. 2. Moscow. Leningrad. Academy of Sciences of the USSR Press. 763 p.

Gogol N.V. (2003) The Complete Works and Letters: In 23 vols. Vol. 1. Moscow. Nauka Publ. 922 p.

Zotov S.O. (2020) The History of Alchemy. The Journey of the Philosopher's Stone from the Bronze Age to the Atomic. Moscow. AST Publ. 416 p.

Odoevsky V.F. (1996) Motley Tales. St. Petersburg. Nauka Publ. 205 p.

Tretyakov E.O. (2015) Philosophy and Poetics of the Four Elements in the Creative System of N.V. Gogol: Monograph. Tomsk. 354 p.

Flamel N. (2016) Alchemy. Philosopher's Stone Crafting Guide. Moscow. Algoritm Publ. 240 p.

Khalturin Yu.L., Kuchurin V.V., Rodichenkov Yu.F. (2015) "Celestial Science": European Alchemy and Russian Rosicrucianism in the 17th–19th centuries. St. Petersburg. Russian Christian Academy for the Humanities Press. 380 p.

Сведения об авторе:

Вера Олеговна Барсукова,
бакалавр
Томский государственный университет

Vera O. Barsukova,
Bachelor of Philology
Tomsk State University

barsukovvera@mail.ru